

Цан Ицзин предложил:

— Возьмем немного порошка серы. Если посыпать им место вокруг, змей можно не бояться. Там вечером много светлячков.

— Тогда... завтра купим толстую подстилку для палатки, — сказал Чжун Жуйчжи.

Цан Ицзин понял его скрытый смысл и нарочно спросил:

— Для рыбалки? Почему, боишься, что будет грязно?

Чжун Жуйчжи ускорил движения, даже слегка сжался.

Даже Цан Ицзин не выдержал, чуть не сорвался.

— Маленький проказник! — Он удержал его за талию. — Чуть не заставил меня кончить.

Чжун Жуйчжи тихо засмеялся ему в ухо:

— Я боюсь, что кто-то увидит прекрасный пейзаж, светлячков, и у меня появятся плохие мысли. Я не хочу кататься с тобой в грязи.

Они никогда не пробовали делать это на улице.

— Я... найду хорошее место, куда точно никто не придет, — пообещал Цан Ицзин. Он отстранил голову Чжун Жуйчжи от своего плеча и долго целовал его в губы. — Мы будем наслаждаться ветерком и светлячками...

Летняя ночь в деревне, луна бросала свой свет на озеро, поверхность которого была окутана легким туманом. На каменной насыпи у берега лежала аккуратно сложенная одежда двух людей, а за насыпью, среди светлячков, раздавались ритмичные, грязные звуки.

Гармоничные стоны смешивались; Чжун Жуйчжи очень любил глухие стоны Цан Ицзина, когда тот был погружен в процесс. Они исходили из глубины горла, резонировали в груди и выходили через нос, низкие и чувственные. Ему было достаточно просто слышать эти звуки, чтобы потерять контроль.

А его собственные громкие стоны, несомненно, тоже были любимы Цан Ицзином.

Следуя ритму, они переходили от сдержанных, контролируемых разумом, к потерянными, лишенным рассудка, что полностью удовлетворяло желание Цан Ицзина доминировать.

Он обнял Чжун Жуйчжи за талию:

— Дорогой, ты можешь делать это только со мной. Только я могу касаться твоего тела, твоей задницы... только я.

Уже была глубокая ночь, около часа, к озеру точно никто не придет. Но Чжун Жуйчжи потерялся во влажности, которую Цан Ицзин создал для него у озера, и забыл обо всем этом.

Даже прохладный ветерок не мог развеять их пот. Чжун Жуйчжи рассмеялся от слов Цан Ицзина. Он протянул руку и кончиками пальцев провел по переносице, глазницам и мочкам уха Цан Ицзина, с силой сжав мочку уха. Его глаза, обычно холодные, но всегда теплеющие при виде Цан Ицзина, светились весенним блеском, когда он улыбался:

— Милый, говори со мной грязно.

Цан Ицзин медленно сжал шею Чжун Жуйчжи правой рукой. Он контролировал силу, связывая, но с семью частями нежности:

— Скажи, что ты мой маленький щенок.

Это была угроза?

Слишком легкая...

Чжун Жуйчжи сказал:

— Еще...

Только тогда рука осмелилась добавить еще немного силы, притворяясь злой:

— Быстро говори...

— Недостаточно... — сказал Чжун Жуйчжи. — Я... давно хотел спросить... почему ты говоришь, что я похож на щенка? Меня никогда не называли щенком, кроме тебя.

Яо Мянью обычно называла его маленькой тыквой.

Как только Чжун Жуйчжи закончил говорить, сильное чувство удушья и боли проникло в его мозг из горла.

Вместе с быстрыми толчками.

Естественный ветерок дул, и лицо человека перед ним под лунным светом постепенно становилось размытым, незабываемым, проникающим в кости.

Время было недолгим, Цан Ицзин быстро отпустил его. Он даже хотел сразу спросить, не переборщил ли он, но, к его удивлению, Чжун Жуйчжи глубоко вдохнул и обнял его:

— Я на пределе... — прохрипел Чжун Жуйчжи, едва переводя дыхание.

Цан Ицзин улыбнулся:

— Как это объяснить? Насколько pumped?

Чжун Жуйчжи ответил:

— На новом уровне. Добавь ещё страсти.

— Тогда ты должен сказать это чётко, да? — Цан Ицзин дунул ему в ухо. — Чего ты хочешь?

— Я хочу быть твоим маленьким щенком. — Его голос становился всё тише.

Цан Ицзин засмеялся ему в ухо:

— И что ещё? Чего ты хочешь?

Ему было действительно неловко говорить, он чувствовал, что его тело горит на огне. Но Цан Ицзин дразнил его, соблазнял и не хотел легко давать ему то, что он хотел. После долгого терпения он с трудом выдавил:

— Делай это.

— Что? Скажи чётко, где?

Он знал, что Цан Ицзин хочет, чтобы он произнес слово, начинающееся на «а», но он действительно не мог его произнести, поэтому он начал двигаться сам. Цан Ицзин был слишком плохим, он отклонился назад и схватил Чжун Жуйчжи за лодыжку: «Я хочу услышать».

— Я хочу услышать.

Чжун Жуйчжи сдался. Он посмотрел на Цан Ицзина умоляющим взглядом:

— Можно другое слово?

Цан Ицзин улыбнулся:

— Маленький учитель, ещё недавно ты просил ещё, а теперь вдруг стесняешься. Ладно, какое слово ты хочешь вместо грязного?

Чжун Жуйчжи пододвинулся ближе, чтобы потереться о него:

— Моё тело...

Едва он произнес эти слова, как Цан Ицзин уже яростно встретил его:

— Это слово хорошее.

Он обнял Чжун Жуйчжи и встал на колени. Да, это было тело, его все, это тело и душа внутри!

Они оставили незабываемый опыт у озера.

К счастью, они заранее положили одежду на чистый камень, а на траве остались мутные белые следы.

Все это вылетело из Чжун Жуйчжи, когда он качался сзади, теряя контроль.

Он поднял голову и увидел все небо, усыпанное звездами, а в его объятиях был Цан Ицзин. Его тело и душа получили максимальное удовольствие.

В конце концов, он даже создал четкую параболу под лунным светом.

Они лежали на подстилке для палатки, Цан Ицзин долго целовал Чжун Жуйчжи, прежде чем тот немного успокоился.

Затем он тихо сказал:

— Пошли...

— Уже лучше? — спросил Цан Ицзин. — Можно еще немного отдохнуть, в это время никто не придет.

Чжун Жуйчжи покачал головой:

— Твоя рука... тоже помой в воде.

Его рука коснулась той параболы, можно даже сказать, что его рука была началом параболы.

Чжун Жуйчжи все время держал эту руку, боясь, что Цан Ицзин вдруг понюхает ее или коснется чего-то ею.

Цан Ицзин наконец понял, что он стесняется, даже боится:

— Жуйчжи, — он вытащил руку, помахал ею и улыбнулся, — все в порядке.

Чжун Жуйчжи схватил руку:

— Быстро помой, там... запах.

Цан Ицзин надел одежду и пошел мыть руку в воде. Их рыболовные снасти все еще лежали у воды, пытаясь скрыть происходящее.

Чжун Жуйчжи тоже быстро оделся, подошел и обнял Цан Ицзина сзади:

— Прости, Цзин Гэ, я... в следующий раз постараюсь сдержаться.

Цан Ицзин улыбнулся, обернувшись:

— Глупый, я только рад, если ты каждый раз не сможешь сдержаться.

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197304>